

Планы экономического развития Польской народной республики составлены так, что их выполнение неизбежно вызовет дальнейший рост содержания двуокиси серы в атмосфере. По расчетам ученых, бесхозяйственная эксплуатация природных ресурсов приведет к их истощению в течение 20-30 лет. Сигнал экологической тревоги прозвучал. В ближайшем будущем наша страна может превратиться в необитаемую пустыню.

Группа польских экологов.

Эрика Кадлецова

О ПРИЧИНАХ ПОВЫШЕННОГО ИНТЕРЕСА К РЕЛИГИИ

В последнее время часто обсуждают причины повышенного интереса к религии. Это явление типично не только для Чехословакии, оно касается не только католицизма или христианства. Достаточно вспомнить усиление роли ислама как фактора, объединяющего ряд движений и народов Азии и Африки, которые в исламе ищут возможность самоопределиться и стремятся найти собственный путь под знаменем ислама.

Что касается Чехословакии, то необходимы более конкретные данные: действительно ли имеет место активизация интереса к религии, и если это так, то какова ее степень, в чем ее причины и какими могут быть последствия такой активизации.

Обоснованный ответ на этот вопрос дать невозможно. У нас недостаточно сведений о развитии религиозности. Поэтому я просто обобщаю наблюдения и высказывания на эту тему людей с марксистским мировоззрением.

Оказалось, что сам вопрос об активизации интереса к религии является для них спорным. Мнения по этому поводу резко отличались в зависимости от среды, в которой проводились наблюдения. Картину искажал к тому же ограниченный личный опыт каждого наблюдателя и его дружеские связи. Если исходить из закона больших чисел, то в масштабах страны сдвиг в сторону религиозности представляется незначительным. Скорее, речь идет о пробудившейся духовной активности некоторых

групп. Это явление не следует, однако, недооценивать, потому что группы эти весьма активны и способны оказать серьезное влияние в будущем. Однако следует признать, что к религии стали относиться серьезнее и религиозность вышла за рамки групп, которые можно назвать отсталыми или находящимися на периферии общества. Более того, говоря об усилении религиозности, это явление даже не связывают с этими группами населения. Интерес к религиозной и церковной жизни проявляется в большей степени в городах, в особенности в Праге, среди интеллектуалов и молодежи.

Центральным вопросом нашей дискуссии были *причины* оживления интереса к религии. Суммируя ответы, следует исключить самую глубокую и существенную плоскость, в которой формируется этот интерес. Я имею в виду такие мотивы как потребность человека в абсолютных, непоколебимых ценностях в период поисков смысла жизни или того, что данный человек смыслом жизни считает. Стремление придать смысл и самому мизерному существованию; преодолеть состояние униженности, допущенной несправедливости; мечта о справедливости и возмездии; болезни и беспомощность, утрата близких и концентрированный протест против смерти как явления, которое сводит на нет — причем окончательно, безусловно и абсурдно — все стремления, жертвы и ценности, присущие человеку... Если исключить Бога, найти на все это удовлетворительный ответ невозможно.

Мы абстрагируемся от этого самого глубокого слоя, потому что такой слой всегда был и будет. Это вечный вопрос, это вечный вызов, а потому он не может непосредственно влиять на рост или упадок религиозного сознания. Оживление интереса к религии — не местное явление, поэтому следует задуматься над общими предпосылками этого растущего интереса.

Процесс секуляризации, критика религии и церкви в прошлом шла в трех основных направлениях:

— как преодоление ореола феодальных институтов — с позиций либерализма, демократии, социализма или анархизма, т. е. как борьба за свободу, равенство и братство;

— как выступление науки и критического мышления против цензуры и контроля церкви (впоследствии — против

церковных догм), ограничивающих свободу исследования, т.е. как спор науки с религией;

— как критика противоречий между теорией и практикой христианского общества, критика лицемерной морали, прикрывающейся христианским учением.

Период кринолинов и париков не был идиллией, и если оценивать его по критериям нынешнего уровня жизни, возможностей людей и характера отношений между управляющими и управляемыми, то очевидно, что сожалеть о нем нечего. Но с точки зрения, которая интересует нас сейчас, т. е. с точки зрения религии, чрезвычайно существенной чертой этого периода была вера в будущее. Характерным для европейского мышления того времени был оптимизм, уверенность в собственных силах, вера в человека, прогресс, разум, науку, в возможность счастья для всех. При всей бедности того времени было ради чего жить, на что надеяться, шла ли речь о социальных и политических движениях, об экономических проектах или о научных и технических открытиях. Усилия не казались напрасными и удавалось преодолевать препятствия на пути к поставленной цели. Обязательные для всех санкционированные церковью директивы и запреты теряли силу. В самых различных регионах мира разрушались феодальные, колониальные, капиталистические общества и к власти приходили обещавшие осуществить принципы свободы, равенства и братства, власть народа, революцию пролетариев всех стран, положить конец господству белых. Наука представила свое видение мира и его развития. Научное познание принесло огромные практические успехи, полностью изменив прежний традиционный стиль жизни всех слоев населения.

Однако век свободы, счастья, чистейших отношений между людьми не наступил. Мечты были убиты способом их реализации. Новые общества, на каких бы принципах они ни были основаны, оказались карикатурой на идеи, за воплощение которых они выдают себя, и это не в состоянии изменить бурные, переходящие в овации аплодисменты, которыми представители каждого из новых миров встречают перечень своих достижений. В результате — полное разочарование, крушение всех иллюзий, растерянность, страх перед будущим, утрата перспективы, и к тому же — отсутствие „великого проекта“, который бы стимулировал

и манил. Остались же — люди, ушедшие в изоляцию личной жизни, отчаянный бесперспективный террор и завистливое подглядывание за райской жизнью соседей.

Человеку кажется, что и наука обманула его. Цельный, упорядоченный образ мира, которым наука заменила мифы прошлого, та же наука разбила вдребезги. Наука придала относительный характер всем своим положениям и усложнила их до такой степени, что для большинства людей они стали непонятными, непостижимыми. Изменение представлений о пространстве, времени, структуре материи, о причинности вселенной, которое мы должны были усвоить за последние три поколения, не имеет себе подобных за всю историю человеческого познания. Многочисленность открытий, объем знаний и связанная с ними специализация создают положение, при котором и высококвалифицированный ученый в одной области оказывается совершенно беспомощным невеждой в большинстве других. На „рядового человека“ популяризованная наука то обрушивает, что вселенная бесконечна, то утверждает совершенно противоположное; то рекомендует есть шпинат, то советует избегать его.

Мы все пережили эти крайности в ходе практического применения научных открытий. Восторг, с которым приветствовались изобретения, долженствовавшие принести прогресс и счастье человечеству, уже дело прошлого. Знакомство с последствиями, к которым привели постоянно растущие возможности человека менять мир, привело к тому, что восторг сменил скептицизм и даже страх. Симбиоз науки и алчности превратил современного человека в короля Мидаса. Все, к чему прикоснется человек, трансформируется в огромное богатство. А избыток вещей, в свою очередь, превращает Землю в мусорную свалку, продукты разложения которой возвращаются в живое тело человека через воду, воздух, хлеб.

На протяжении тысячелетий человек пользовался природой, приспособлял ее к своим нуждам. Он подавлял то, что считал вредным, выращивал и размножал то, что ему служило. И эта деятельность человека оказалась достаточной, чтобы изменить облик Земли, чтобы пространство, на котором сосуществовали бесчисленные виды растений и животных, превратились в место пребывания людей, где допускается лишь то, что служит этому

единственному виду. XX век привнес в этот процесс существенно новый элемент. Мы уже научились изготавливать вещества, которые не существуют в природе, а сейчас мы переносим эти новшества в сферу жизни. Посредством генетической инженерии мы пытаемся существенно изменить свойства живых организмов изнутри. Если еще недавно любое открытие науки и техники вызывало восторг, гордость за победу духа, то сейчас этим чувствам сопутствуют, а иногда замещают их, страх перед последствиями, которые невозможно предвидеть. К чему эти открытия могут привести в мирное время и во время войны?

Речь идет не только о нежелательных последствиях. На основе новых открытий появилась возможность контролировать людей, манипулировать ими в такой степени, которую в прошлом трудно было даже представить себе. Знание, обещавшее освободить человека, создает навсегда угрозу лишить его свободы.

С иллюзиями, что человек от природы добр и способен к совершенствованию, и что зло его побуждают творить лишь неблагоприятные условия, вышло не лучше, чем с другими мифами. Новый человек нового общества, который писал плакаты о морали светлого будущего, тихо сошел со сцены. Возрастание агрессивности, цинизма и равнодушия — проблема всех стран мира. Подъем надежд сменило похмелье. Всеподавляющее ощущение — это страх: страх перед войной; перед водой, которую мы пьем; перед продуктами, из которых готовим еду детям; перед воздухом, которым мы дышим; перед соседом, который может донести; перед сотрудником, который может выжить тебя с твоего места; перед белыми, черными, желтыми, цветными; перед русскими, коммунистами, империалистами, реваншистами, перед голодными и перед вооруженными. Когда-то люди в тюрьмах писали Утопии. Сейчас они пишут Триллеры.

* * *

В этой новой обстановке человек снова ищет убежище в религии и религиозной общине. Его поиски облегчаются тем, что и католическая церковь извлекла урок из критики, которой она должна была противостоять. Церковь обнаружила, что последствия потерь и поражений, которые она понесла, могут

оказаться более ценными, чем позиции, которые она занимала в прошлом и с которых была отброшена. Церковь ушла далеко вперед, преодолев расстояние от Силлабуса к аджиорнаменту, от узников Ватикана к летучим папам.*

Активизация курии и католической церкви вообще началась с момента избрания папой Иоанна XXIII. Тогда же повысился интерес мировой общественности к католической церкви. Необычные, поражающие инициативы Ватикана касаются как чисто церковных дел, экуменических стремлений внутри христианства и контактов с нехристианскими религиозными общинами, так и совершенно новой трактовки вовлеченности церкви в светскую жизнь. Церковь стремится выступать в роли защитника, критика, вдохновителя, а иногда и посредника, не прибегая к традиционным формам политической деятельности. Церковь заявляет, что у нее нет политической программы, она не ассоциируется ни с какой политической организацией, она не намерена вмешиваться в дела светской власти, но все же оставляет за собой право определять свою позицию относительно нравственных аспектов политики. Это очень удобная и фактически неуязвимая позиция. Она помогает церкви выражать свое мнение, но не беря на себя никакой ответственности, провозглашать цели, не доказывая их осуществимость. Любая власть оказывается в неблагоприятном свете, когда ее суетливая практика измеряется критериями идеалов.

В области культуры церковь не пытается вмешиваться в то, чего не понимает. Она выжидательно терпима к научным исследованиям и пытается абсорбировать их результаты. Она даже не мешает естествоиспытателям проводить исследования,

* Силлабус — документы от 1864 и 1907 гг., в которых папы осуждали философские и теологические направления тех времен.

Аджиорнаменто — стремление приспособить церковь к современным условиям.

Узник Ватикана — так называли пап, которые с 1870 по 1929 г. не выходили из Ватикана в знак протеста против оккупации Рима королевскими войсками.

абстрагирующиеся от существования Бога. Церковь проявляет определенную осторожность и по отношению к общественным наукам — она избегает конфликтов, если сама не подвергается нападениям.

Было бы ошибочно видеть в этих новых чертах отказ от прошлого. Для церкви такой откол невозможен. Речь идет об изменении подходов, а не сущности. Стремление и способность приспособиться к современному миру имеют определенный смысл и имеют определенные границы. Это, в конечном счете, путь приспособления мира к церкви, к ее учению. Понимать аджиорнаменто иначе было бы или наивностью, или ересью.

В Чехословакии впечатлелись все перечисленные выше черты — маразм, скепсис, безвыходность и апатия. Нашей стране не удалось остаться в стороне от всеобщего кризиса. Напротив, во многих отношениях разочарование у нас глубже, потому что стремление реализовать мечту было более настойчивым, а переход от опьянения к разочарованию был слишком резким и быстрым. Достаточно вспомнить эйфорию в момент освобождения (1945 г., — Ред.) (которую столь интенсивно не пережила ни одна из восточно-европейских стран, за исключением, разве, Югославии), чтобы увидеть, что представления о будущем во всех слоях населения, как бы они ни различались, раньше или позже потерпели крах. 1948 год, политические судебные процессы, 50-е годы и, наконец, август 1968-го — это рубежи, знаменующие утерю почвы под ногами самыми различными группами, утерю ими иллюзий, что „свой и новый мир” может быть построен и будет построен. Новые поколения, уже не разделявшие надежд своих предшественников, вместе с ними пережили их крушение.

Нынешнее состояние общества и отношений между людьми в нем описаны в научных работах и в художественных произведениях. Тут нечего ни добавить, ни убавить. Мне, однако, хотелось бы коснуться одного аспекта — как нынешняя теория и практика, называемые марксизмом-ленинизмом, притупляют критическое мышление людей и прививают им присущее религии мышление. Значительную часть того, в чем режим обвиняет религию и провозглашает неприемлемым, он сам навязывает своим гражданам, причем в весьма непривлекательной форме.

Режим требует, чтобы гражданин делал вид, что верит утверждениям, которые явно противоречат его разуму и накопленному им опыту. Режим принуждает граждан высказываться по вопросам, информация о которых режимом же скрывается. Режим обращается к гражданам мертвым литургическим языком, на котором доносит послание, но не то, о котором, якобы, говорится в обращении. Общественную и политическую жизнь режим превратил в формальный ритуал — собрания, съезды, первомайские демонстрации, великие годовщины и, наконец, выборы. Участие в этих обрядах для одних является удостоверением о лояльности, для других — подтверждением того, что все идет гладко. Режим наградил свои институты всеми атрибутами идеалов его идеологии, и это обожествление легко устранило различия между видимой и невидимой церковью. Непогрешимость представителей власти еще не возведена в закон, но все же она повсеместно и пожизненно признается за ними. Если некоторые истины признаются таковыми в определенное время, то набор основных табу постоянен и укоренился в массовом сознании и подсознании. Перечень главных и второстепенных титулов руководителей, который приводится с точностью, достойной престарелого сенильного Отца народов, еще раз демонстрирует, что носитель этих титулов — ничто, а место в иерархии — все. Покрытые пылью, размокшие от дождя транспаранты и плакаты — это распятая вдоль наших дорог. Памятников меньше, возможно, потому, что производственный срок создания скульптуры мог бы превысить период поклонения изображаемому. Официально режим обозначил четкую границу между невероятным, в которое люди должны верить, и невероятным, в которое верит церковь, но это различие не всем ясно так, как профессиональным идеологам.

Из-за деградации науки до занятия, которым руководят извне и которое вынуждено подчиняться не присущим науке критериям, ряд ее отраслей заглохли, а в некоторых иных исследовательский дух вообще был убит. Прояснилось еще одно парадоксальное последствие: осуждение и шельмование режимом ряда открытий и научных дисциплин породило страх перед новым провалом. Спорным стало основное: что может, а что не может быть предметом научного исследования. Мы гоняемся

за снежным человеком, фотографируем „летающие тарелки“, мы ожидаем прихода инопланетян и ищем следы их пребывания на земле в прошлом, мы размышляем над парапсихологией — и это еще самые солидные экскурсии в мир вопросительных знаков. Склонность к обскурантистским идеям и практике шокирует. За энциклопедистами нашего времени маячит ироническая тень графа Калиостро.

Провозглашение марксизма-ленинизма государственной идеологией и вытекающий из этого зажим религии оказывает двойственное воздействие. Вроде бы были достигнуты огромные успехи. От церкви отошли те, кто туда ходил по причинам чисто прагматическим: так было принято; так поступали другие, демонстрировавшие посещением церкви лояльность по отношению к признанным в обществе ценностям. Иными словами, дезертировали ходившие в церковь не по религиозным мотивам. Постепенно стали отходить и верившие поверхностно, не способные выстоять без общей поддержки, а тем более в обстановке, когда открытое проявление религиозности наталкивается на гнев властей (было бы, однако, неверно считать, что все или большинство расставшихся с религией поступили так из чистого оппортунизма).

Церковные обычаи, празднества и обряды были изгнаны из общественной жизни и ушли в церкви, молитвенные дома, в семьи. Церкви, в том числе католическая, стали церковными диаспорами. Для католической церкви, которая привыкла играть роль государственной всенародной церкви, трудно было переориентироваться и начать действовать по совершенно иным правилам. Для других церквей этот переход был проще, поскольку состояние диаспоры для них было привычным. Ситуация католической церкви осложнялась к тому же и разрушением ее организационной структуры — была запрещена деятельность монашеских орденов и многих священников.

В обществе чехословацкого реального социализма церкви — это единицы аномальные, которые невозможно нормализовать, и в то же время это совершенно законные институты. Церкви не являются составной частью Национального фронта, и тем самым они становятся чужеродным телом в структуре общества. Это вытекает из самого их существа. Церкви даже

формально не в состоянии признать руководящую роль партии, да и партия не в состоянии была бы воспользоваться таким признанием. Церкви лишены какого-либо участия в делах страны и в чисто церковных рамках невозможно принудить верующих выполнить приказ, если они не примут его добровольно. Сплоченность, внутренняя дисциплина и обязательность религиозных догм — все это основывается только на авторитете. В этой слабости церкви ее сила и исключительность. На темном мрачном фоне церкви выступают как чистые, незапятнанные угодничеством символы. Их учение, их образец действий резко отличаются от навязываемых властью. Они указывают выход и надежду там, где этого уже никто не видит. Именно эти качества церкви притягивают людей, которым отвратительны бессодержательность и бесперспективность окружающего мира. Верующий никого не обязан убеждать словами в подлинности своего убеждения и бескорыстности своей вовлеченности — демонстрация принадлежности к христианской церкви не способствует, как известно, карьере. Контакты с другими верующими позволяют чувствовать себя членом сообщества благородных людей и ощущать свою исключительность. Взаимопомощь, поддержка друзей, т. е. то, что в атомизированном обществе заменяет нормальные общественные связи, в церковной общине дополняется и метафизическим аспектом — встречей с Богом в ближнем. Таким образом, причины притягательности религии и церковной общины совершенно однозначно лежат внутри самого общества.

* * *

Отказ от поисков „виновного” в идеологическом нажиме извне не означает, что нынешний характер и политика религиозных центров за рубежом, как и деятельность церкви в других странах, вообще никакой роли не играют. Особенно ярко эта связь проявляется у католиков. Новое же в том, что Ватикан после избрания папой польского священника не только обладает доскональным знанием проблематики стран с коммунистическими режимами, но и действует на основе этого знания. Можно сказать, что Ватикан это знание даже абсолютизирует, распространяя его и на другие области, в которых общественно-политическая ситуация диаметрально противоположна. Стойкость польского католицизма несравнима с религиозностью в западных государствах. Неприятие теологии освобождения и полити-

ческой вовлеченности священников в Латинской Америке может привести к совершенно напрасному повторению столкновений...

Нынешний папа великолепно понимает политику коммунистических партий и государственных органов социалистических стран, он знает это изнутри, он понимает смысл зашифрованных фраз, знает ограничивающий, а иногда управляющий смысл вроде бы бессодержательных вводных слов и неувливаемых методов, на которые никто, кроме тех, кто сталкивался с ними повседневно, даже не обратит внимания. Когда папу спросили, какой будет его политика по отношению к социалистическим государствам, он ответил, что наивной она не будет. Это точное и твердое объяснение.

Какую роль может играть церковь в стране, управляемой коммунистической партией, в которой, к тому же, размещены советские войска, показывает Польша. Польша, однако, крайний случай. Это страна, в которой наряду с традиционным чрезвычайным влиянием католицизма действуют также иные факторы, в других странах не проявлявшиеся столь интенсивно. Очень легко подобрать целый ряд аргументов, подтверждающих, что в Чехословакии положение лучше и что у нас „этого произойти не может”. Полезнее, однако, учитывать, что в этой части мира церкви удалось нечто невероятное: она выступает теперь как защитник прав человека и гражданских свобод, как защитник национального сознания и национального единства, как проводник интересов бедных крестьян и рабочих. Церковь в наше время воспринимается именно таким образом.

Борьба за свободу, за права человека и гражданина, борьба за социальную справедливость, против господства одного класса над другим и эксплуатации ни в коем случае не являются доминантой церкви. Истоки этой борьбы находятся на совершенно противоположном полюсе европейского мышления — они уходят корнями в рационалистическую традицию, ведущую от Ренессанса через Просвещение к марксизму.

Я не намерена утверждать, что эти идеи противоречат христианскому учению, что оно не могло их инспирировать. Если бы это соответствовало действительности, то диалог между марксистами и христианами вообще оказался бы невозможным.

Людвик Вацулик

О ВЛАСТИ

Товарищи,

Я пользуюсь случаем, чтобы сказать вам известное и без меня, и делаю это только потому, что у меня есть несколько деловых предложений. В проекте Заявления съезда говорится, что смыслом социалистического строя является обеспечение реинтеграции человека, которому гарантирован статус гражданина. Гражданин. Когда-то это было славным, революционным словом. Оно означало человека, над которым никто не мог господствовать бесконтрольно, но которым можно было управлять столь хитроумно, чтобы у гражданина создавалось впечатление, что он почти во всем подвластен только самому себе. Добиться у управляемых такого впечатления было задачей очень изощренной специальности, которую называют политикой. В действительности же подвластный только самому себе гражданин — всегда был мифическим понятием и продолжает оставаться таковым.

Марксистская критика власти пролила свет на не изучавшиеся прежде отношения между правителями и собственностью на средства производства. Это открытие одновременно с пониманием истории человечества как истории классово-борьбы подготовило почву для социальной революции, от которой ожидали и нового решения извечной проблемы власти. Социальная революция у нас завершилась успехом, а проблема власти продолжает существовать. Мы „схватили быка за рога” и держим его, но при этом кто-то, не переставая, пинает нас в зад.

У власти, по всей вероятности, свои нерушимые закономерности развития и поведения, кто бы у власти ни стоял.

И нет ничего пугающего в том, что христиане выступают на стороне этих идей, — наоборот. Пугает и вызывает тревогу, что церковь стала защитником интересов рабочих и крестьян от посягательства правительства социалистического государства. До чего же мы дошли, раз католическая церковь борется за свободу слова и против цензуры, установленной марксистами, за право рабочих объединяться в профессиональные союзы, которым эти рабочие доверяют? Это *memento mori*, такое было бы невозможно, если бы марксисты не изменили своим же идеалам. Роль религии и церкви в Польше значительно укрепила уверенность в своих силах католиков в других странах и вызвала уважение к католицизму у неверующих. Я еще раз подчеркиваю, речь идет не о чисто религиозных чертах польского католицизма, а о позиции польской католической церкви по отношению к гуманитарным и общественным проблемам.

В последние годы наблюдается активизация неприязни правящих кругов наших стран по отношению к церкви, возрастает их нервозность из-за активности верующих. На это власть имущие реагируют еще большим зажимом религии. Усилились репрессии за действия, которые в других странах мира считают само собой разумеющимся. Чехословакия — страна с наилучшими предпосылками для удовлетворительных взаимоотношений социалистического государства с верующими и церквями, превратилась в позорную косную страну. Правительственная политика по отношению к церкви дала результаты, обратные намерениям ее инициаторов. Преследования верующих, репрессии против них усиливают внимание окружающих к религии и поднимают престиж верующих. Это создает дополнительный и весьма существенный импульс активизации интереса к религии. Как мы видим на практике, *ad maiorem Dei gloriam*, (т. е. для прославления Бога) нынешний режим сделал чрезвычайно много.